
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Т. С. ШЕНТАЛИНСКАЯ

*ЕЩЕ РАЗ О ЗАПИСЯХ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
АМЕРИКАНСКОЙ СЕВЕРО-ТИХООКЕАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИЕЙ:
ДИАЛОГ С Е. И. ЯКУБОВСКОЙ*

В предыдущих выпусках «Русского фольклора» появились публикации Е. И. Якубовской, представившие неизвестную до сего времени часть материалов Северо-Тихоокеанской экспедиции — фонографические и рукописные записи русского фольклора.¹ Без преувеличения это следует признать событием в отечественной фольклористике, и событием знаменательным. Открылись и вошли в науку замечательные и уникальные тексты (имею в виду и слова, и напевы), среди которых шесть былин, столько же исторических песен, две баллады, старые солдатская и рекрутская песни, рождественские виноградья и христовские песнопения, свадебная и более двадцати игровых, хороводных и плясовых песен.

Фонозаписи Дезуповской экспедиции значительно обогатили фонд русского эпоса новыми образцами и расширили географию фиксации русских эпических напевов до самых крайних северо-восточных пределов России. Часть былин и исторических песен не была известна к моменту составления тома «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»² и не вошла в суммарный список эпического репертуара жителей Колымы и Анадыря, что требует теперь пересмотра.

¹ *Якубовская Е. И.* 1) Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона // *Русский фольклор*. СПб., 2008. Т. 33. С. 181–246 (далее: *Якубовская* 2008); 2) *Русский фольклор и христовские песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.)* // *Русский фольклор*. СПб., 2012. Т. 36. С. 332–433 (далее: *Якубовская* 2012).

² *Русские эпические песни Сибири и Дальнего Востока* / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991 (далее: РЭПС).

Несколько песенных образцов сопровождаются игрой на скрипке и балайках. Во времена Дрезуповской экспедиции скрипичная традиция на Анадыре была еще в разгаре. На фонограф записаны и ансамблевое исполнение плясовых мелодий, и сольные скрипичные наигрыши. Исторически — это первые, а географически — самые отдаленные фонозаписи русской народной инструментальной музыки. Одна из записей запечатлела мастерское исполнение местными скрипачами «Камаринской» с разнообразным, изобретательным варьированием (70 вариаций!).

Немного истории

Работа The Jesup North Pacific Expedition³ на территории России, на самых дальних ее окраинах, омываемых морями Ледовитого и Тихого океанов (земли современной Якутии, Чукотки и Камчатки), проходила в 1900–1902 гг. Целью экспедиции, как известно, было сравнительное изучение культуры и генезиса народов северо-востока Сибири и северо-запада Америки. Научный организатор и руководитель экспедиции профессор Колумбийского университета Франц Боас привлек к работе Сибирского Полярного отдела ученых из России — В. И. Иохельсона и В. Г. Богораза. Потребовалось немало усилий, чтобы добиться высочайшего разрешения на участие в иностранной экспедиции личностей политически неблагонадежных, только что вернувшихся из ссылки, с которых еще не был снят полицейский надзор.⁴ Переговоры происходили в то время, когда В. Г. Богоразу грозила новая высылка из Петербурга. «Я, впрочем, умудрился уехать раньше высылки. Подвернулась экспедиция Дрезупа, — приглашение из Америки. Американцы дали денег, а русские — ученых, — комбинация совершенно необычная... «Дикая чукча» (дружеское прозвище Богораза после его колымско-чукотских скитаний во время его участия в экспедиции — Т. Ш.)

³ Напомним, что экспедицию субсидировал президент Американского Музея естественной истории (American Museum of Natural History, далее: AMNH) банкир Моррис Дрезуп, за что она получила его имя: The Jesup Expedition, Дрезуповская экспедиция, экспедиция Дрезупа.

⁴ История переговоров по этому вопросу отражена в переписке, хранящейся в AMNH. См. также: *Stanley A. Freed, Ruth S. Freed, Laila Williamson. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902)* // *American Anthropologist*. 1988. March. N 90 (1).

В. Г. Богораз неоднократно арестовывался как активный участник революционной организации «Народная воля», затем был выслан на Колыму сроком на 10 лет (1889–1899). В. И. Иохельсон, так же за участие в деятельности «Народной воли», был арестован и после двухлетнего тюремного заключения осужден на 10 лет ссылки в Якутию (1888–1897).

покатила за границу — в Берлин, в Париж, в Лондон и оттуда в Нью-Йорк», — с юмором пишет об этом сам Богораз.⁵

Полевая работа Сибирского Полярного отдела экспедиции началась в конце лета 1900 г. Ученых сопровождали жены — Дина Лазаревна Иохельсон и Софья Константиновна Богораз, принимавшие активное участие в экспедиционных работах. Партия Иохельсона устроила свою базу на реке Гижиге и занялась изучением оленных и морских коряков; партия Богораза — в устье реки Анадырь, в Мариинском Посту:⁶ к северу от него — изучение оленных и морских чукчей, азиатских эскимосов, к югу — коряков, кереков, камчадалов. Затем, когда осенью 1901 г. Богораз возвращается в Петербург, Иохельсон направился на Колыму, объектом его исследований стали юкагиры, тунгусы и якуты. Летом 1902 г. Иохельсон через Якутск и Иркутск тоже возвращается в Петербург.

В течение многих месяцев жизнь на пределе физических сил, зачастую в палаточных лагерях и жилищах аборигенов, постоянные передвижения,⁷ нередко под ливнями или в пургу, в морозы, когда столбик термометра опускался ниже отметки в 40°, на выючных лошадях, на оленьих и собачьих упряжках, на кожаных лодках, на плоту, были случаи, что и пешком, порой смертельная опасность, — такова была цена за пионерные исследования, этнографические, археологические, антропологические и зоологические коллекции, сотни фотографий, словари, тексты и грамматики древних, исчезающих языков. В распоряжении ученых были фонографы, ими были сделаны уникальные и, надо отметить, тогда еще одни из первых и единичных звукозаписей фольклора в России. Результаты экспедиции, которую по праву можно назвать подвигом, по сей день остаются фундаментом в изучении народов северо-востока Азии.

Несмотря на свое периферийное положение среди главных научных задач американского проекта, учеными не был обойден и феномен анклавов русской культуры в селениях по берегам сибирских рек на северо-востоке, где сохранялись и бытовали традиционные жанры русского фольклора.

Как известно, на Колыме и Анадыре в процессе российской колонизации сложились самобытные этнические группы, отличающиеся смешением крови русских пришельцев и аборигенов, прежде всего юкагиров,

⁵ *Тан-Богораз Владимир Германович*. Автобиография. Цит. по: Владимир Германович Богораз-Тан и Северо-Восток : Библиографический указатель. Магадан, 1991. С. 14.

⁶ Официальное название — Ново-Мариинск (основан в 1889 г.), ныне город Анадырь — административный центр Чукотского автономного округа.

⁷ Например, расстояние, покрытое Иохельсонами от Гижиги до Иркутска, составило около восьми тысяч миль (The Jesup North Pacific Expedition // The American Museum Journal. 1903. October. Vol. III, N 5. P. 108).

чужанцев (одна из ветвей племени юкагиров), якутов, ламутов (эвенов). Их материальная культура формировалась хозяйственным бытом, всецело зависящим от местных природных условий и потому близкая автохтонной, свойственной аборигенам края, рыболовам-охотникам. Культурной средой, питавшей духовные проявления этих групп, стали русский язык, православие, русский фольклор.

Особенностью этого анклава является то, что он существует в среде метисов, живущих в метрополии своих предков по материнской линии. Необычная среда, условия крайней удаленности от «коренных» территорий создали интереснейший полигон для наблюдения за бытованием здесь на протяжении трех столетий русского фольклора, бытованием, которое демонстрирует жанровое разнообразие, вариативность, сохранение жанров, ставших раритетами в метрополии: эпос, виноградь, скрипичное исполнительство. Более того, на Колыме в среде русскоязычного населения создалась почва для возникновения нового жанра, сугубо местного происхождения — андыльщина,⁸ несколько образцов которого также зафиксированы экспедицией на фонограф.

Партия Богораза делает записи русского фольклора на Анадыре и в камчатских селениях, Иохельсон — на Колыме и в устье реки Омолон (правый приток Колымы).

Но на протяжении почти 100 лет уникальные записи оставались невостребованными и неизвестными на родине ученых. Одной из главных причин тому являлись условия «железного занавеса», в которых наша страна жила многие десятилетия, условия, мешавшие прямым контактам с зарубежными учеными и усложнявшие сотрудничество с зарубежными архивами. Еще в конце 1980-х гг. автор первой публикации рукописных текстов былин из полевой тетради экспедиции, обнаруженной в Ленинградском филиале Архива Академии наук, констатировал: судьба валиков с записями неизвестна.⁹

⁸ См.: Шенталинская Т. С. 1) Андыльщина — местный песенный жанр русских колымчан // Русский фольклор в инокультурном окружении. Государственный Республиканский центр русского фольклора: Сб. науч. трудов. М., 1995. Вып. 6. С. 140–151; 2) Андыльщина (жанр — эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х–1990-х годов. СПб., 1996. С. 97–114 (далее: Шенталинская 1996).

⁹ Венедиктов Г. Л. Анадырские и колымские записи былин В. Г. Богораза // Русский фольклор. Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987. Т. 24. С. 148 (далее: Венедиктов 1987). Герману Леонидовичу Венедиктову принадлежит первая публикация анадырских былин, записанных Джезуповской экспедицией, словесные тексты которых были обнаружены им в Ленинградском Архиве РАН в фонде В. Г. Богораза (теперь — СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 118а, 115).

Правда, несколько так называемых «твердых копий» с восковых цилиндров, относящихся к коллекции Богораза, были получены из Берлинского фонограммархива Фонограммархивом ИРЛИ (Пушкинский Дом) в Ленинграде, о чем свидетельствует публикация списка собраний Фонограммархива в сборнике «Советский фольклор» за 1936 г.¹⁰ Очевидно, интерес к сибирским записям и соответствующий запрос в Берлин были вызваны проектом антологии «Фольклор народов СССР», над которым работали З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус, возглавлявший Фонограммархив. Проект остался неосуществленным. Записи же хранились в Ленинграде, обозначенные в реестре: «Богораз. Чукчи».¹¹ Записи, давшие основание обозначить их как чукотские, на самом деле не являются образцами чукотского фольклора. Об этом уверенно заявили прослушавшие их чукчи, жители г. Анадырь, с которыми встречался автор настоящей статьи. Вместе с тем эскимосы, живущие в Анадыре, участники фольклорного ансамбля «Атасикун», предположили, что это поют эскимосы с «того берега» (так они называют эскимосов аляскинских и эскимосов с о. Св. Лаврентия. Среди последних Богораз действительно делал фонозаписи). Вопрос требует разрешения. Среди этих записей нам удалось в 1982 г. обнаружить и русские песни.¹² Хранится в Фонограммархиве и запись якутской сказки, сделанная Иохельсоном в 1902 г., т. е. также в ходе американской экспедиции.

Обнаружить местонахождение фонографических записей было не так просто для российского исследователя. Все же судьбу основной части фонозаписей можно было представить. Поскольку субсидировал экспедицию президент АМНН, то, конечно же, все собранные материалы, в том числе и фонографические записи, должны были попасть в американский музей. И вот в годы перестройки автору данной статьи удалось получить копии фонозаписей русского фольклора. Фонографические записи Иохельсона и Богораза действительно являются собственностью АМНН в Нью-Йорке, но хранятся в Архиве традиционной музыки (Archives of Traditional

¹⁰ Магид С. Д. Список собраний Фонограмм-архива Фольклорной секции ИАЭА Академии Наук СССР // Советский фольклор. 1936. № 4–5. С. 424.

¹¹ Фонограммархив Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Кол. 178С, ФВ 4955–4963.

¹² РЭПС: 52; Шенталинская 1996. С. 109, пример 5. Не зная в то время о публикации списка собрания Фонограммархива за 1936 г., не получив дополнительной информации о происхождении богоразовских цилиндров, кроме записи в реестре, мы ошибочно отнесли их к колымским записям Богораза 1895–1897 гг., тогда как в эти годы фонографа не было в его распоряжении. Образец эпической песни удалось полноценно расшифровать Е. И. Якубовской, это оказалась баллада «Жлюшничек» (Якубовская 2008. С. 184, 218).

Music: далее АТМ) университета штата Индиана в г. Блумингтон,¹³ откуда и были присланы копии русской части коллекции: «N 54-149-F Siberia, 1901–02. Jesup North Pacific Expedition. Waldemar Bogoras and Waldemar Jochelson».¹⁴

Это была частная инициатива, результатом чего стали расшифровка и публикация нескольких образцов былин уже с напевами и статья с публикацией исторических песен и образцов других песенных жанров, записанных в ходе Дезуповской экспедиции.¹⁵ В эти же годы копии записей русского фольклора коллекции «54-149-F. Siberia» были переданы в Фонограммархив ИРЛИ. И вот теперь почти весь корпус фонографических записей русского фольклора усилиями научного сотрудника Фонограммархива ИРЛИ Е. И. Якубовской расшифрован и опубликован.¹⁶

Основа русской части коллекции — фонозаписи анадырской партии экспедиции, возглавляемой В. Г. Богоразом. Это записи прежде всего в селе Марково (среднее течение р. Анадырь), которое к середине XIX в. стало центром анклава русского языка и фольклора на Чукотке.¹⁷ Также записи производились в Мариинском Посту, при устье Анадыря, на берегу Анадырского лимана Берингова моря. Здесь, вблизи небольшого поселения чукчей,¹⁸ была дислоцирована команда камчатских казаков, служивших при начальнике округа, обеспечивавших пограничную охрану и функционирование портового причала, соединяющего Чукотку с Камчаткой и Приморьем, куда причаливали и суда американских торговцев.

¹³ Как выяснилось, гальванические копии с части валиков находятся в Берлинском фонограммархиве (Katalog der Walzensammlungen. 59. Bogoras/Jochelson (= Jesup Expedition) / Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Ethnologisches Museum Staatliche Museen zu Berlin. S. 110). В Индексе фонограмм АТМ эти валики отмечены записью: «Cylinder missing».

¹⁴ Год 1901 указан неправильно, так как записи на фонограф производились уже в 1900-м. См. об этом: с. 511 наст. статьи.

¹⁵ Шенталинская 1999; Шенталинская Т. С. Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов. Приложение: Расшифровка надписей на картонных футлярах из-под фонографических валиков Северо-Тихоокеанской экспедиции // Фольклор. Ранние записи. ИМЛИ РАН. М., 2015. С. 145–271 (далее: Шенталинская 2015).

¹⁶ Неопубликованными остались единичные образцы из-за качества звучания, зависящего от состояния восковых валиков, пока не поддавшихся полноценной расшифровке.

¹⁷ В 1862 г. в Маркове была построена церковь, в 1883 г. открыта первая на Чукотке школа.

¹⁸ «Восемь шатров оседлых чукчей», — констатирует В. Г. Богораз (СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 117, л. 7).

«В Мариинском Посту только два дома, — пишет В. Г. Богораз. — Один из них очень беден, сделан из полугнилого дерева <...>, служит баракком для шести казаков с женами и детьми. Другой, лучше, построенный <...> начальнику и его помощнику <...>, когда приезжают ждать пароход».¹⁹

Из русских записей В. И. Иохельсона в дошедшей до нас коллекции сохранилось всего 4 образца фонозаписей, из которых пока поддались расшифровке два, записанных в Нижнеколымске.²⁰

Реплики

Теперь позволим себе несколько реплик, частично дополняющих, частично корректирующих публикации и некоторые аналитические наблюдения по песенному материалу, в отдельных случаях не совпадающие с выводами Е. И. Якубовской.

Прояснить многие факты и подробности американской экспедиции, определить авторство фонограмм и рукописных текстов в некоторых полевых тетрадях, получить сведения об информантах — задача непростая. Материалы разбросаны в архивах разных городов и стран, многие публикации (в частности, на английском языке, почти столетней давности) стали библиографическими раритетами. Отсутствуют оригиналы авторской паспортизации фонограмм, по-видимому, на этот счет в экспедиции не было выработано определенных, четких установок.

Авторские списки фонографической коллекции не удалось найти ни в одном из архивов. Как пояснили сотрудники AMNH, после того как был составлен музейный каталог — Phonograph Record Catalog (Department of Anthropology), они могли быть и уничтожены. Единственный обнаруженный оригинальный источник паспортизации записей — надписи на картонных футлярах из-под восковых фонографических цилиндров, к счастью, сохранившихся в АТМ. Это рабочие надписи, иногда еле различимые, стертые и размытые, с трудом прочитывающиеся, сделанные беспорядочно, разными почерками, то карандашом, то чернильным пером, то просто процарапанные на стенках, крышке или донышке цилиндрической коробочки. Попытка прочтения надписей с футляров и их перевода на английский была осуществлена в 70-е гг. преподавателем Славянского отделения Индианского университета Эндрю Дуркиным.²¹ Его рукопись — результат трудоемкой работы — хранится в АТМ. Частично

¹⁹ Там же, л. 6–7.

²⁰ Якубовская 2008. № 22; 2012. № 266; Шенталинская 2015. № 1, № 9.

²¹ Сведения из Summary Report — документа АТМ, кратко характеризующего данную коллекцию.

расшифровки Э. Дуркина дополнили Опись коллекции, однако многие надписи остались непрочитанными.²²

Мне довелось несколько дней поработать в АТМ, увидеть и сами валики, и футляры от них. Я постаралась скопировать — «перерисовать» надписи и знаки, сделанные на футлярах из-под валиков всей коллекции. Проделанная мной расшифровка этих надписей в качестве приложения к статье «Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов» опубликована в сборнике Института мировой литературы РАН (см. сноску 15).

В силу перечисленных причин, усложняющих работу исследователя, требуют корректировки, например, сами названия публикаций в т. 33 и 36 «Русского фольклора»: «Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораза и В. И. Иохельсона», «Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораза, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.)» (выделено мной. — Т. Ш.), а также комментарии, рассеянные в обеих статьях, относительно авторства В. Г. Богораза во многих записях русского фольклора.

Действительно, долгое время, начиная с первых и кончая последними публикациями текстов Джезуповской экспедиции, считалось, что записи русского фольклора в Маркове, составляющие основу всех русских записей этой экспедиции, были сделаны В. Г. Богоразом.²³

Теперь достоверно прояснилось, что в Маркове записи русского фольклора делала жена В. Г. Богораза Софья Константиновна Богораз. Целый ряд документальных фактов свидетельствует об этом: сроки и условия пребывания в Маркове В. Г. и С. К. Богоразов, описанные в дневниках, сличение их почерков в полевых тетрадях и письмах, атрибутирование авторства записей в американских публикациях материалов экспедиции.²⁴

²² К настоящему времени в описи коллекции осталось много «лакун» и курьезных, хотя вполне естественных, недоразумений. Например, после фамилии Шереметев, помечающей соответствующую историческую песню, составители описи задаются вопросом, не исполнитель ли это: «Sheremetov [performer?]». Один из плясовых наигрышей превратился в «Плясовой мотив моряков» («Dancing tune of sailors»), так как неверно было прочитано написанное неразборчиво и сокращенно место записи — Марково. Остались неточности в указании мест записей, в написании транскрипций топонимов, имен исполнителей и т. п.

²³ Венедиктов 1987; Якубовская 2008; 2012.

²⁴ Шенталинская Т. С. 1) Неизвестный автор ранних фонографических записей. Софья Константиновна Богораз // Отечественная этномузыкология: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы междунар. науч. конф. 29 сентября–3 октября 2010 г. СПб., 2011. Т. 1. С. 68–83; 2) Софья Богораз — автор записей русского фольклора на Чукотке // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 110–120.

Так В. Г. Богораз сам констатирует: «Я провел в Марково только 3 дня (на пути из Мариинского Поста на Камчатку. — *Т. III.*), а моя жена <...> провела там около 3-х месяцев, собирала песни, легенды, фонографические записи и т. д., все на русском языке, что было бы интересно для изучения русской народной жизни на крайнем Севере».²⁵ По-видимому, сознание значимости фиксации русского фольклора, так активно и полноценно бытовавшего тогда на Анадыре, привело В. Г. Богоразу к решению оставить фонограф Софье Константиновне, а не брать его с собой на Камчатку.

В публикациях Е. И. Якубовской авторство всех рукописных записей русского фольклора по-прежнему признается за В. Г. Богоразом, но авторство марковских фонографических записей обозначено уже именами С. К. Богораз и А. Аксельрода. Александр Аксельрод — студент Цюрихского политехникума, приглашенный В. И. Иохельсоном для участия в экспедиции «в качестве помощника при производстве этнографических и антропологических работ».²⁶ Представляется, что в осуществлении фонографических записей помощь молодого русского швейцарца могла быть только технической.²⁷ Вся содержательная часть записей осуществлялась Софьей Константиновной, перед этим проводившей несколько лет на Колыме

²⁵ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 117, л. 24.

²⁶ *Владимир Богораз, В. Иохельсон. О Сибирском Полярном Отделе Северо-тихоокеанской экспедиции // Живая старина. 1900. Вып. 1–2. С. 295 (далее: ЖС 1900).*

²⁷ Александр Аксельрод (Саша, Аксельродик, как его называли Богоразы) выполнял антропологические измерения и снятие гипсовых масок, фотографировал. Он неоднократно отлучался из Маркова, разъезжая по окрестным селениям, стараясь попасть на сезонные местные ярмарки, собирая этнографические артефакты. О своей работе Аксельрод подробно написал в отчете, оригинал которого на немецком языке хранится в АМНН. На сайте Музея это письмо-отчет ошибочно обозначено: Mrs. Bogoras to Voas Mariinsky Post, 14 April 1901. Мной была составлена для Anthropology Department of AMNH аннотация к документу с установлением ошибки и идентификацией его авторства.

Ненадолго в Маркове оказался еще один член экспедиции, также не занимавшийся фольклором, — «один американец <...>, приезжавший в Марково в начале 1901 г. <...> M-r Norman K. Vuxton, препаратор, заведовавший зоологическим отделом Северо-Тихоокеанской экспедиции в Приморской области», как о нем пишет Н. П. Сокольников (*Сокольников Н. П. «Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре»*). Оттиск из «Этнографического обозрения». М., 1912. Кн. XC–XCI. С. 12. Николай Павлович Сокольников — в то время начальник Анадырского округа, всячески содействовавший работе экспедиции). «Норман К. Бёкстон <...> прикомандирован к нашему отделу, — сообщает В. И. Иохельсон, — Зоологическим Департаментом Музея в качестве коллекциониста-зоолога и отчасти ботаника» (ЖС 1900. С. 295).

(и много поездившей там),²⁸ уже сжившейся с очень близкими к анадырским колымской песенной средой, говором, атмосферой традиционных вечеров. Она была свидетельницей собирательской работы мужа-ученого и, конечно, проинструктирована им. В. Г. Богораз, разделив маршруты своей партии и поручив Софье Константиновне самостоятельную собирательскую работу, был в ней уверен. Красноречива реплика В. Г. Богораз в одном из писем, отправленных жене в Марково с Камчатки: «Присмотри, Сонюшка, за экспедицией, и за Толстихиным, и за Аксельродом. Все-таки ты всех опытней».²⁹ Рукописные записи русского фольклора в полевой тетради экспедиции: «Фонограф. Тексты к записям в Маркове. 1901 г.»³⁰ — принадлежат также С. К. Богораз, о чем кроме уже названных причин свидетельствует различие почерков ее и ее мужа.

Остается неизвестным, кто делал фонозаписи русского фольклора в Мариинском Посту, так как супруги Богоразы были там одновременно, а когда В. Г. Богораз отправился в эскимосские поселки, оставив жену в Мариинском Посту (конец апреля–май 1901 г.), фонограф был в его распоряжении. Обращает на себя внимание тот факт, что список русских песен, записанных в Мариинском Посту, написан в полевой тетради рукой Софьи Константиновны.³¹ Из 17 песен этого списка 14 совпадают с фонограммами из Мариинского Поста. Вместе с тем из шести русских песен, тексты которых записаны В. Г. Богоразом в его дневнике в Мариинском Посту от Варвары Львовой,³² только одна оказалась среди фонограмм.

Информанты

Необходимо уточнить сведения о некоторых информантах экспедиции.

Львова

С именем Варвара в материалах экспедиции фигурируют две женщины.³³ Одна из них — Варвара Карякина. От нее была записана сказка о Кундирике, о чем свидетельствует список сказок, отправленных Боасу в Америку,

²⁸ Владимир Германович и Софья Константиновна, служившая акушеркой в колымских селениях, поженились в Среднеколымске в 1894 г. (*Кротов М. А. Якутская ссылка 70–80-х годов. М., 1925. С. 169.*)

²⁹ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 4, № 404, л. 77, 80 об. Толстихин — казак, прикомандированный к экспедиции.

³⁰ Там же, оп. 1, № 118а.

³¹ Там же, л. 75 об.

³² Там же, № 116, л. 3.

³³ См. об этом: *Якубовская 2008. С. 186.* Однако в силу перечисленных причин, усложняющих работу исследователя, оказалось неверным предположение автора о том, что две Варвары с разными фамилиями — одно лицо.

составленный В. Г. Богоразом (названия на английском языке). Среди анадырских сказок под номером 12 значится: «Kundirik (сын маленький и Яга) Вар. Карякина Мар. П. (Мариинский Пост. — *Т. Ш.*)». ³⁴ В публикации этой сказки имя рассказчицы дано полностью, указано место записи и время: «Told by Barbara Karyakin, a Russian creol woman, at Marinsky (так. — *Т. Ш.*) Post, the Anadyr country, fall of 1900». ³⁵

Другая Варвара — Варвара Львова. От нее в Мариинском Посту между 9 и 14 апреля 1901 г. (по датам в дневнике) В. Г. Богоразом было записано шесть песен: «Марковские хороводные и плясовые песни, списаны на Мариинском устье от Варвары Львовой». ³⁶ Подчеркивается, что песни марковские, хоть записаны они в Мариинском Посту. Варвара Львова — или коренная жительница Маркова, или прожила там много лет и была активной участницей вечеров, так как предстает знатоком вечерочных марковских песен. Варвара Львова активно помогала в работе экспедиции, и не только исполнением песен. Ее фамилия стоит в списке людей, получивших вознаграждение за участие в работе экспедиции, где она называется: «Cossack woman Lvoва», а участие определено сокращенным словом: «Collect.», — по-видимому, помощь в сборе коллекций. ³⁷

В Анадыре, в Архиве Чукотского автономного округа, хранятся метрические книги «Анадырской миссии Николаевской церкви» (Марковской церкви) записей о родившихся, сочетавшихся браком и умерших за 1900 г. Там мы обнаружили запись о состоявшемся венчании: «Октябрь 4. Жених казак Петропавловской казачьей команды Илия Евфимов Черных. <...> Невеста — вдова Петропавловской казачьей команды Варвара Федоровна Львова...». ³⁸

Значит, Варвара Федоровна осенью 1900-го точно, а возможно, и зимой 1900 / 01 г. была в Маркове. Об этом свидетельствует и текст песни наборно-разборного хоровода «На воротах пыжичок», записанной в Маркове на фонограф. ³⁹ Как известно, в этой песне сначала приглашаются один за другим, а затем отстраняются участники хоровода, называемые по имени и отчеству. В варианте, записанном на цилиндре № 67, первое же имя —

³⁴ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 118а, л. 74.

³⁵ Рассказано Варварой Карякиной, русской креолкой в Мариинском Посту, Анадырский край, осень 1900 г. *Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia by Waldemar Bogoras // Anthropological Papers of the American Museum of Natural History. New York, 1918. Vol. XX. Part 1. P. 141.*

³⁶ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 116, л. 3–4.

³⁷ Архив АМНН: Account of the Expedition of the Anadyr party of Jesup NP Ex. 1902–20. P. 8.

³⁸ Государственный Архив Чукотского автономного округа, ф. Д–1, оп. 1, д. 6, л. 16–17.

³⁹ *Якубовская* 2012. № 6.

Варвара Федоровна: «Ты, Варвара, да поди к нам, Федоровна да приступи!», затем называются другие имена-отчества, среди которых «Софья Константиновна» — факт, который первым навел нас на мысль об участии Софьи Константиновны Богораз в записях на фонограф.⁴⁰

Митрофан

Имя Митрофан, которым назван один из исполнителей песни о Скопине-Шуйском, записанной В. И. Иохельсоном на Колыме,⁴¹ фигурирует в дневнике Дины Иохельсон, и только в связи с одним человеком. Первое его упоминание находим в связи с переездом из Верхнеколымска в Нижнеколымск: «28 ноября. Среда 1901. Вчера 27 ноября в ½ 6-го вечера приехали мы из Верхнеколымска на Родчево... Со мной едет казак Митрофан Котельников, живой и бойкий парень».⁴² Затем Митрофан появляется в описании чрезвычайно опасного спуска на перевале Верхоянского хребта, когда экспедиция уже возвращалась в Якутск, завершив свою работу. Спуск этот крутой, скользкий, обрывающийся почти отвесно. «Мы взяли по палке и стали спускаться <...>, тормозя изо всех сил палкой, постоянно задерживая спуск, чтобы не сорваться, — пишет Дина Лазаревна. — Владимир Ильич спускался впереди, тормозя двумя палками, я, держась за Митрофана, сзади. Удерживаться было почти невозможно по скользкому отвесу. Вдруг мы сорвались и со страшной быстротой понеслись вниз. Ужас охватил меня — мы летим вниз — с боков и внизу камни, и мы разобьемся о них, т. к. задержаться не за что. Уже почти внизу Митроф[ану] удалось затормозить палкой, и мы удержались, потом уже спустились вниз».⁴³

Фамилия Котельников — одна из старожильческих колымских фамилий, фигурирующая в документах конца XVII–XVIII в. и сохранившаяся среди колымчан по сей день. В одном из документов 1771 г. указано, что Котельников попадает на Колыму после упразднения Анадырского острога.⁴⁴

Примечательно, что запись на фонограф происходила в доме казака с той же фамилией — Котельников, возможно, родственника Митрофана. Об этом сообщено в дневнике Д. Л. Иохельсон: «2 января в ½ 2-го приехали в Нижне-Колымск и остановились у казака Котельникова <...> Дня через два (т. е. 4 января. — Т. Ш.) у нас был вечер — слушали

⁴⁰ Шенталинская 1999. С. 32. Публикацию песни см. Якубовская 2012. № 6. В песне звучит и имя-отчество жениха Варвары: «Ты, Илья, поди к нам, ты, Ифимич, отступись...», не расслышанное автором публикации.

⁴¹ Якубовская 2008. № 22; Шенталинская 2015. № 1.

⁴² Архив Института восточных рукописей РАН (далее: АИВР), ф. 631, оп. 1, № 132. Дневник путешествия Д. Л. Иохельсон. Л. 13–14.

⁴³ Там же, л. 68–69.

⁴⁴ Гурвич И. С. Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966. С. 122.

и пели в фонограф».⁴⁵ Все эти факты говорят в пользу того, что, скорее всего, песню про Скопина вместе с Николаем Сухомясовым — «певучим человеком», как его характеризует В. И. Иохельсон,⁴⁶ пел Митрофан Котельников.⁴⁷

Никон

Из-за отсутствия четкой и полной авторской паспортизации в реестре фонозаписей, составленной сотрудниками американских архивов (AMNH и АТМ), немало неточностей, порой и ошибок. «В реестре записей вслед за песнями, записанными в Мариинском Посту, следуют неопределенные пометы: “Пение Никона хорошее”», — констатирует Е. И. Якубовская и комментирует это резонным предположением: «экономя валики, собиратели того времени часто заполняли оставшееся на цилиндре место записями от другого исполнителя, в ином населенном пункте».⁴⁸

На футляре от цилиндра № 109 действительно есть запись: «Пение Никона хорошее». Никон — информант В. Г. Богораза, но к записям русского фольклора он не имеет отношения. Никон Тагратыргын — чукча, по-видимому, брат другого Никона — Попова, проводника и переводчика В. Г. Богораза в поездках по Чукотке. В труде «Чукчи» опубликовано заклинание, подписанное: «Сообщил Никон Tagratgrgn в поселке Чикаево».⁴⁹

⁴⁵ АИВР, ф. 631, оп. 1, № 132, л. 32 об.–33 об.

⁴⁶ АИВР, ф. 23, оп. 1, № 18, л. 4 об. В. И. Иохельсон. Дневник за 1900 г. (Дело включает также записи 1901 г. — *Т. Ш.*).

⁴⁷ Е. И. Якубовская предполагает, что в записи в Нижнеколымске принимал участие Митрофан Кривогорницын — один из колымских информантов В. Г. Богораза (*Якубовская* 2008. С. 185–186, 245). «Митрофан Кривогорницын — житель Походска, — сообщает о нем собиратель, — он ослеп на оба глаза еще в ранней молодости и живет <...> призреваемый родственниками» (*Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. Отдельный оттиск из Сб. Отделения русского языка и словесности Импер. Акад. наук. СПб. Т. 68, № 4 (далее: Богораз 1901). С. 169–170*). На футляре из-под валика № 47 написано: «Пѣсня про Скопина, пѣли Сухомясов и Митрофан». Просто — Митрофан. В рабочей беглой записи на картонной коробочке собиратель не считал нужным указать его фамилию: дескать, и так ясно, какой Митрофан, — наш, который всегда рядом, постоянный спутник и помощник, ведь Митрофан Котельников сопровождал Иохельсонов во всех их передвижениях по Колыме. Другое дело, если бы это был новый знакомец, новый информант, приехавший по какой-то причине из Походска в Нижнеколымск, да еще слепой. Ни о каком слепом Кривогорницыне из Походска нет ни слова в дневнике Дины Иохельсон, которая описывает моменты фонографической записи в Нижнеколымске.

⁴⁸ *Якубовская* 2008. С. 185.

⁴⁹ *Богораз В. Г. Чукчи. Часть II. Религия / Авторизованный перевод с английского. Л., 1939. С. 166. Чикаево — «Маленький чукотский поселок», как его характеризует Богораз, в нижнем течении Анадыря.*

В путевом дневнике/полевой тетради Богораза есть тексты сказок по-чукотски, подписанные: «Записано на Утесиках⁵⁰ от Никонова брата». Это было 1 ноября 1900 г. по дороге из Мариинского Поста в Марково.⁵¹ На пути в Марково в октябре–ноябре 1900 г. фонографа у Богораза не было, о чем свидетельствует отсутствие фонографических аналогов рукописным фольклорным текстам, записанным Богоразом по дороге. На фонограф Никон был записан в Мариинском Посту, куда мог и специально приехать для встречи с Богоразом.⁵² О такой практике в своей работе пишет сам В. Г. Богораз: «Я съехал на берег (в Мариинский Пост. — *Т. III*), поставил свою палатку и принялся возиться с чукчами, которые ежедневно съезжались с окрестных стойбищ».⁵³ Свои записи на фонограф от чукчей В. Г. Богораз начал еще в июле 1900 г. 15 июля он пишет в дневнике: «Сегодня <...> я записывал на фонограф от чукчи Кутылкуна <...>. Я делаю уже девятую запись на фонограф».⁵⁴

Топоним

Часто исследователю трудно, и порой не удастся определить или правильно назвать не только имя информанта, но и место записи, сведения о чем приходится выискивать в рукописных материалах экспедиции, что усложнено еще и неразборчивостью почерков собирателей. Авторам публикации текста винограда «Как по морю, по морю по синему» из полевой тетради В. Г. Богораза не удалось прочесть топоним Вакарино,⁵⁵ где от «старухи Плесковой» (местное произношение фамилии Плешкова, также оставшееся непрочитанным авторами публикаций) В. Г. Богораз записал несколько песен и сказку.⁵⁶ Вакарино (Вакарина, Вакерна — местные варианты произнесения топонима, на географических картах — Вакарево) — название малочисленного жилья на одноименной протоке. Это важный для анадырщиков пункт: привал на пути к устью (по протоке значительно сокращали водный путь, минуя большую петлю Анадыря), место рыбалки, а при старых методах охоты — это было место сезонного покола дикого оленя на его весенней переправе через реку.

⁵⁰ Приток Анадыря и место при его устье.

⁵¹ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 115, л. 10–12 об.

⁵² Все записи, сделанные от Никона Табрáтирһен (одна из транскрипций чукотского имени Никона, написанная на футлярах от валиков) в описи коллекции — *Таре Index Sheet* — помечены: «Collected at Mariinsky Post».

⁵³ *Богораз В. Г.* Собр. соч. Т. IV: Скитания. СПб., 1910. С. 207.

⁵⁴ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 114, л. 5.

⁵⁵ *Венедиктов* 1987. С. 153–154; *Якубовская* 2008. С. 246.

⁵⁶ СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 115, л. 21.

Преобладание вечерочных песен

Заметной особенностью песенного корпуса русской коллекции является то, что в нем количественно господствуют песни хороводные, игровые, плясовые, те, что пелись на излюбленных в Маркове вечерках, которые, как, впрочем, и в других сибирских селениях, были здесь оплотом сохранения фольклорной традиции. Вечерочные песни составляли центральную часть местного репертуара, «лежат там на поверхности». Во всех собраниях марковских песен они всегда преобладают, с большим отрывом от других жанров.

Но, несомненно, В. Г. Богораз, открывший еще в 90-е гг. XIX в. в колымских селениях «пласт» русских *старин*,⁵⁷ стремился найти русский эпос и на Анадыре, и жену свою, конечно, нацеливал на фиксацию подобных жанров, что ей в конечном счете и удалось.

Эпос

Действительно наиболее ценными среди русских фонографических записей экспедиции представляются эпические песни. В каждом из былинных образцов заметны отличительные признаки, вызывающие определенные ассоциации с устоявшимися представлениями о том или ином локальном воплощении сказительской традиции в метрополии. Наиболее отчетливо прослеживаются связи как с Русским Севером, так и с Поволжьем. Некоторые образцы эпических песен демонстрируют близость к записям XVIII в.

Аналогии со Сборником Кирши Данилова

Сопоставлению открывшихся теперь сибирских записей с песнями Сборника Кирши Данилова посвящен целый раздел в публикации Е. И. Якубовской.⁵⁸ Ею сделаны важные, меткие наблюдения и выводы о генетической и хронологической соотнесенности песен из Сборника Кирши Данилова и песен Восточно-Сибирского региона (Индигирка–Колыма–Анадырь). Установлена стилистическая общность как лексическая, так и музыкальная многих образцов, обнаружены и прямые аналоги песенных вариантов из рукописного сборника XVIII в., составленного уральским работником, записанных на рубеже XIX и XX вв. в селениях на крайнем северо-востоке Сибири.

К последним отнесена, в частности, былина «Алеша Попович и Еким Иванович».⁵⁹ Фонографическая запись этой былины оказалась наиболее полноценной, она охватывает 34 стиха, что позволяет проследить за фор-

⁵⁷ См.: Богораз 1901.

⁵⁸ Якубовская 2008. С. 181–184.

⁵⁹ Там же. № 5.

мированием музыкально-стиховой композиции былинного распева. Пример заслуживает более подробного рассмотрения.

Напев имеет целый ряд общих черт с напевом той же былины из Сборника Кирши Данилова:⁶⁰ тот же музыкально-слоговой ритм, то же высотно-ладовое обрамление напева квинтовым тоном в верхней и нижней позициях, интонационное тождество начальных попевок из напева Кирши Данилова и второго мело-стихового периода марковского напева. Но в композиционной структуре и общей музыкальной стилистике обнаруживается существенное отличие двух напевов.

Исполнительница марковской былины, как кажется, осознанно использует для выразительной передачи содержания интонационно-смысловой контраст двух мелодико-стиховых построений, с отчетливо выраженным разграничением функции первого, зачинного (а), и второго (в), выполняющего повествовательную и завершающую (в //) функцию. Функциональное различие этих построений подчеркнуто регистровым контрастом: верх (а) — низ (в), наличием возгласной начальной интонации в первом, зачинном периоде, а также противостоянием несовершенной (на второй степени) каденции в зачинном (а) и повествовательном (в) и совершенной в заключительном мелостихе (в //). Мелодические зачины строфы, как правило, сопряжены либо с началом прямой речи, либо со стихами акцентными по смыслу, или связанными с поворотными моментами в сюжете, началом нового действия. Второе мелодическое построение соответствует стихам пояснительным или перечислительным. Оно наделено двумя противоположными окончаниями — неустойчивым, если это не конец строфы, и устойчивым, если конец. Причем финалис строфы всегда отмечен укороченной длительностью и паузой-дыханием, что подчеркивает грань между строфами. Исполнительница свободно комбинирует количество мелостихов в строфе.

Количество повторений второго построения колеблется в строфах: строфы 1, 5 — а-в-в // (звучание клаузулы первого мелостиха в 5-й строфе сильно искажено из-за дефекта воскового валика, но, скорее всего, каденция здесь нормативная для строки «а»); строфы 2–4, 6–10, 13 — а-в //; 11, 12 — а-в-в-в //; 14-я также должна была бы содержать более двух стихов, так как вторая мелострока оканчивается несовершенной каденцией, но в начале следующего стиха запись обрывается.

Половина зафиксированных записью мелодико-стиховых строф соответствует законченным смысловым тирадам (1, 2, 10, 11, 12, 13; очевидно, таковой должна была быть и 14-я строфа, механически оборванная). Примечательная деталь: в 9-й строфе начало прямой речи Алеши Поповича

⁶⁰ Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977 (далее: КД). № 20. С. 277.

оказывается вторым стихом в строфе, исполнительница, как бы компенсируя возникшее несовпадение значимости смысла слов с менее яркими интонациями второго мелодического построения, произносит-пропевает заключительное слово стиха с замедлением и нарочитым акцентированием каждого слога. Свободно варьируется и сам напев, особенно зачинный оборот, увеличивается или уменьшается временная протяженность напева при расширении или сокращении стиха. Все это — признаки сольного сказительского мастерства, по крайней мере прекрасного усвоения его стилистики. Четырнадцать строф, зафиксированных фонографом, убеждают, что исполнительница — Мария Алина — носитель традиции художественно осознанного, артистического напевного сказывания эпического произведения.

Итак, композиция марковского варианта былины об Алеше Поповиче — свободно-смысловая строфика. В напеве же былины «Алеша Попович» из Кирши Данилова песенная форма — ярко выраженная пара периодически-стей: а-а-в-в (а точнее почти а-а-а'-а'), в которой вторая пара представляет собой вариант (как нам кажется, инструментального характера) первой; все четыре каденционных оборота идентичны: от квинты через вводный тон к тонике (одна из типовых каденций у Кирши). Это песенная (даже плясовая) структура, совсем иная, нежели свободно-смысловая (сказительская). В этом представляется главное отличие этих вариантов.⁶¹ Напев Кирши Данилова в сравнении с марковским выглядит как более поздний мелодический парафраз.

Шереметев

Песня с сюжетом «Шереметев допрашивает шведского майора», очевидно, нечасто записывалась с напевом. Во всяком случае, в специальном издании «Исторические песни XVIII века» публикуется лишь один ее музыкальный образец, и он — из сборника Кирши Данилова.⁶² Тем более интересна марковская фонозапись начала XX в., демонстрирующая, по существу, идентичность напеву XVIII в. — здесь то же трехстиховое строение мелодического периода, почти позвуковое совпадение в мелодическом движении.⁶³

Несогласие

В нескольких случаях представляются неубедительными определения аналогов анадырских образцов с песнями из Кирши Данилова. Например, в качестве аналога ритмическому строению баллады «Поехал наш короле-

⁶¹ Вывод расходится с анализом Е. И. Якубовской, которая считает, что для обоих вариантов характерно тирадно-строфическое строение (Якубовская 2008. С. 191).

⁶² КД. № 41. С. 318. Ср.: Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971. № 72.

⁶³ См. наглядное сопоставление напевов: Якубовская 2008. С. 195.

вич», записанной в Мариинском Посту,⁶⁴ автор указывает «политекстовый напев № 39 и № 56 («Из Крыму и из Нагаю», «Во зеленом садочку»))» из Кирши Данилова.⁶⁵ Но в анадырском «Королевиче» совершенно отчетливо проявлена типовая ритмическая структура лирической песни «Калинушка с малинушкой».⁶⁶ С ритмом напева из Кирши здесь только внешнее сходство из-за начальных «гемиольных» групп.

Так же неправомерным представляется считать слоговую музыкально-ритмическую форму песни с сюжетом «жена сержантова и царь» — «На горе, горе петухи поют»⁶⁷ характерной «для нескольких мелодий Сборника Кирши Данилова».⁶⁸ В марковской песне — пятисложник с долготным выделением ударного слога, типичный прежде всего для песен обрядовых (календарных, свадебных). Среди песен Сборника Кирши Данилова этот ритм не встречается.

Донской казак

Одно из наиболее значимых открытий среди записей Джезуповской экспедиции — запечатленное на фонографе пение со скрипкой исторической песни,⁶⁹ реальное воплощение традиции, косвенно отраженной в Сборнике Кирши Данилова, в котором, как известно, напевы песен, в том числе эпических, изложены в скрипичной фактуре.

Эту песню с сюжетом «донской казак в темнице» можно признать уникальной дальневосточной версией, где вражеские полки называются «самурайскими» (поется «самуральскими»), а враг-король — «епонским». В американской описи фонограмм она значится: «The King of Prussia and Sachary Chernysheff», а на картонном футляре из-под валика (№ 56) обозначено: «Прутской король». Надпись собирателя, очевидно, повторяет название, данное самим исполнителем, так как сюжет аналогичен песне о пленении Захара Чернышова прусским королем, песне, известной в Маркове и также записанной на фонограф.⁷⁰ Однако в песне, исполняемой со скрипкой, герой — пленник — называется не Чернышовым, а донским казаком, затем солдатом. Возможно, бытование в Маркове этого варианта, в свою очередь, повлияло и на появление «донского казака» в марковской

⁶⁴ Якубовская 2008. № 9.

⁶⁵ Там же. С. 194.

⁶⁶ См. об этом: РЕПС. С. 411.

⁶⁷ Якубовская 2008. № 15.

⁶⁸ Там же. С. 197.

⁶⁹ Там же. № 12; Шенталинская 2015. № 8.

⁷⁰ Якубовская 2008. № 11; Шенталинская 2015. № 3.

песне о Чернышове: «Посадили тут донского казака, Черны<шо>ва Захара Григо<рь>евича». ⁷¹

Бытование двух версий песни — одно из свидетельств неоднородности происхождения марковского репертуара. Возможно, версия с дальневосточными персонажами — проявление определенного влияния на местный песенный круг русско-камчатской среды. ⁷²

Одна из фонограмм из Мариинского Поста зафиксировала интересный пример соединения, контаминирования разных песен как бы «на ходу», во время исполнения. В Описи коллекции запись обозначена — «Old Epic song» (N 435. 11А. 106. 4630). Исполнительница начинает петь песню о Лопухине, затем без какой-либо заметной грани переходит к былине о Дюке Степановиче, ⁷³ но поэтический мотив об охоте на «серых вутач-

⁷¹ Рукописный вариант из полевой тетради (*Якубовская* 2008. № 11а). Б. Н. Путилов отметил, что сюжет песни о пленнике в темнице известен в применении к различным историческим личностям. Наиболее ранняя его запись — в Сборнике Кириши Данилова, где «Засажон сидит донской казак Ермак Тимофеевич», предположительно дошедший до нас начальный фрагмент песни о Стеньке Разине в рукописи Кириши Данилова, также связан с сюжетом «донской казак в темнице» (КД. С. 164–165, напев: с. 317; 225, напев: с. 358; комментарий: с. 450, 460). Несомненно стилистическое родство и общность интонационно-ритмических оборотов этих песен с марковской песней о Чернышове.

⁷² С XVIII в. между анадырскими и камчатскими русскими поселениями устанавливается постоянная связь. Промежуточным пунктом на пути между ними становится Пенжино. Постоянная торговая и почтовая связь устанавливается и с Гижигой, ближайшим к Камчатке поселением, в котором службу несли камчатские казаки, а не якутские, как на Колыме. Когда был упразднен Анадырский острог (1770 г.), часть его жителей переселилась в Гижигу, а затем вернулась на Анадырь. Между анадырщиками и жителями Пенжино и Гижиги нередко заключались браки, происходило обоюдостороннее переселение семей. В конце XIX в., с образованием Анадырского округа, в распоряжение начальника округа была определена команда камчатских казаков. Известно, например, что тигильские казаки (из селения Тигиль на Камчатке) принесли с собой в Марково представление «Лодка», где оно прижилось и на многие годы стало традиционным рождественским увеселением (*Савоскул С. С.* Русская народная драматическая игра «Лодка» в селе Марково на Чукотке // Советская этнография. 1982. № 5. С. 120–122; *Шенталинская Т. С.* Русская «Лодка» на крайнем северо-востоке России // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории / Российский институт истории искусств. Сектор фольклора. СПб., 2009. Вып. 2. С. 154–174). В. Г. Богораз, говоря о сходстве духовной жизни в камчатском селе Тигиль и на Анадыре, отметил различие в том, что в Тигиле нет старого русского фольклора, а больше матросских и солдатских песен, чувствуется влияние торговцев, презирающих все старое (СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 117, л. 45).

⁷³ В статье Е. И. Якубовской песни разделены и опубликованы под разными номерами: *Якубовская* 2008. № 14, 3. Другой марковский вариант песни о Лопухине: *Якубовская* 2008. № 13; *Шенталинская* 2015. № 4.

ков» увлекает ее в сторону мотива о гусях и лебеде, уводя уже и за пределы былинного сюжета. Приведем здесь расшифровку записи (Пример 1):

Пример 1

$\text{♩} = 80$

1. [Ло - пу - хин] хо дил в по - л - ку, да ку - рил тру - бку, да та - ба - ку.

2. И - ше так о - н за - ку - рыл, да сто ни мог о - н рэть ска - зать.

3. И - ше так о - н за ку - рыл, да сто не мог о - н рэть ска - зать.

$\text{♩} = 84$

4. Он о - хочь е - здеть бил да за (во - хо - ту - ю.

5. (В)он о - хочь е - здеть бил да за (во - хо - ту ю.

6. Он хо - дил - то, хо - дил да за (во - хо - ту ю.

7. С по - лу - дён стре - лял, да с по - лу - ночь себе - рал

8. Се - рых у - то - чков, ма - ло - ле - тни - чки.

9. Се - ры[х] да (в)у - то - чков, ма - ло - ле - тни - чков, ох.

10. Ви - со - ко - то гу - си, ви - со - ко ли - тят.

11. Ви - со - ко гу - си, ве - со - ко - ле - тят.

12. О - ди н гусь, да ве дь гусь, ви - ше все х ле - тит.

13. Ви - ше все... эх ле - тит в за - ло - тном кре - сте.

14. В зо - ло - тном кре - сте. Кто по - бил, по - бил... ил,

15. Кто по - бил, по - бил... ил бе - ло - ва ле - бе - дя,
 бе - ло - ва ле - бе - дя?..

[Лопухин] ходил в полку, да курыл* трубку да табаку.

Ише так он закурил, да сто ни мог он рэть сказать,

Ише так он закурил, да сто ни мог он рэть сказать.

Он охоч ездёт бил да за (в)охотую,

(В)он охоч ездёт бил да за (в)охотую.

Он ходил-то, ходил да за (в)охотую.

С полудён стрелял да с полночь сбирал

Серых уточков-малолетнички,

Серых да (в)уточков-малолетничков, ох,

Високо-то гуси, високо литят,

Високо гуси, весоко летят,

Один гусь, да ве дь гусь, више все х летит.

Више все х летит в залотном кресте.

В золотном кресте. Кто побил, побил,

Кто побил, побил белова лебеда,

Белова лебеда...

*Звук *p* не всегда, но часто произносится твердо, тогда после него *и* звучит как *ы*, *е* как *э*, что типично для говора анадырщиков.

Мотив «гуси, лебеди» мог возникнуть как реминисценция с мотивом мужской/солдатской лирики (просьба к птицам передать вести на родную сторону),⁷⁴ который, возможно, связался с сюжетом о гибели воина, в данном случае — Лопухина.

Следует, однако, заметить, что публикации песен из северо-восточного региона Сибири с приведенным мотивом мне неизвестны.⁷⁵

С первого же стиха исполнительница привносит в равномерное, «строевое» скандирование песни о Лопухине временное выделение третьего от конца стиха слога, свойственное эпическому сказыванию. (Заметим здесь, что такая, как в данном случае, нарочитая долгота еще более свойственна стилистике андыльщины.) Переходя к мотиву об охоте из былины о Дюке Степановиче, исполнительница еще продолжает напев о Лопухине, и местоимение «он» воспринимается тоже как относящееся к Лопухину. Но поэтический мотив, ассоциируемый с уже другим определенным героем, «перенастраивает» память, требуя соединения с соответствующим ритмоинтонационным комплексом. С четвертого стиха при переходе к мотиву из «Дюка» исполнительница опирается на типовую для эпического напева структуру (восьмидольник с диямбической фигурой в завершении стиха),⁷⁶

⁷⁴ Например:

Как не пыль в поле запылилася,
Не туман с воды подымается,
Подымалися гуси, лебеди,
Гуси, лебеди, утки серые;
Не сами собой подымалися,
Ясного сокола испужалися.
Что один-ат гусь выше всех летит,
Выше всех летит, лучше всех кричит...

(Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. II, ч. 2. № 2728).

⁷⁵ Образ гусей-лебедей более всего типичен для свадебных песен. Хорошо известен мотив о гусях и лебедушке в распространенной прощальной свадебной песне. В величальной свадебной песне с Печоры мотив «гусей-лебедей, серых малых уток» перекликается с аналогичным из марковского «Дюка»: «молодая боярина» восхотела «гусятинки, как белой лебедятинки, серой малоей утицы», она будит «своего душа умного», а тот посылает ее разбудить сына: «Пусть и едет он в чисто поле, поезжает на синее морё он стрелять гусей-лебедей, серых малых уток» (Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.: Л., 1963. № 294).

⁷⁶ Аналогичная структура — в анадырском варианте «Ключничка» (*Якубовская* 2008. С. 8). Она неоднократно фиксировалась в эпических песнях северо-востока Сибири (см., например: РЭПС. № 156а, 192, 237, 96 и 97. В последних двух — с вдвое увеличенной морой в завершающем диямбе).

с пятого стиха уже звучит мелодический вариант (в минорном наклонении) местного напева былины о «Дюке»,⁷⁷ в седьмом и нескольких последующих стихах возникают и семидольные такты, свойственные этому напеву и связывающие его с ритмической моделью, характерной для мезенской эпической традиции.⁷⁸

По-видимому, певица полноценно не усвоила ни одну из тех песен, мотивы которых чередует и объединяет. Но поет она уверенно, свободно комбинируя и подменяя одну другой хорошо знакомые ей ритмо-синтаксические модели эпических песен. Чувствуется, что она часто слышала эти песни, возможно, подпевая, не раз участвовала в их исполнении, а это, в свою очередь, может свидетельствовать об их популярности, устойчивости в местном репертуаре того времени.

Интересно, что упоминание гуся, выделение его в самостоятельный образ стало основанием для отдельного обозначения песни на футляре из-под валика № 106, на котором содержание записи выражено двумя словами: Королевичъ гусь, разделенными чертой, похожей на знак абзаца, по-видимому, обозначающей, что слова надо поменять местами и что это — названия разных песен. В результате буквального прочтения и перевода надписи на английский язык в Индексе фонограмм (Tape Index Sheet) появилось курьезно-ошибочное обозначение песни: «The Goose Prince»... Дело в том, что на этом валике записана еще и баллада «Поехал наш королевич» (Сон королевича о рождении сына и смерти жены),⁷⁹ которая и обозначена надписью «Королевич», а песня о Лопухине с переходом к былине «Дюк Степанович» вообще не обозначена на футляре из-под валика.

Хочется еще остановиться на нескольких характерных особенностях этого материала.

Мелодика

В песне «Скопину родна матушка наказывала»,⁸⁰ которая пелась в качестве рождественского виноградья, выделяется выразительный начальный мелодический подъем (в первых трех строфах). Он достигает вершины, отстоящей на септиму от исходного тона, слогоноты образуют восходящую терцовую «цепочку» (ход по звукам септаккорда). Этот неординарный мелодический ход — не случайность в пении «Скопина», он и позднее был зафиксирован на нижней Колыме в припеве «Скопина»-виноградья.⁸¹

⁷⁷ Шенталинская 1999. С. 34; Якубовская 2008. № 2.

⁷⁸ Шенталинская 1999. С. 33–34.

⁷⁹ Якубовская 2008. № 9.

⁸⁰ Там же. № 22; Шенталинская 2015. № 1.

⁸¹ Бернштам Т. А., Латин В. А. Виноградье — песня и обряд // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 44, пример 136.

Подобное движение как в восходящем, так и в нисходящем направлении встречается и в других образцах колымских песен, в частности, в андыльщинах,⁸² а также представляет одну из особенностей песен из Маркова.⁸³ Можно констатировать, что в типовой напев приуроченной песни проникает излюбленная местная интонация.

Незнамушка

К излюбленным местным формам интонирования можно отнести бесполутоновые обороты, движение по звукам пентатоники. Это — одна из примечательных черт мелодики песен данного региона.⁸⁴ Ангемитонные мелодические переливы, раскрашивающие слоговые распевы, придают местный колорит одной из самых распространенных песен разинского цикла «Незнамушка».⁸⁵ При сравнении напева с многочисленными опубликованными образцами песен с этим сюжетом в наибольшей близости к марковскому оказываются печорский и мезенские варианты.⁸⁶

Еще ходит царь

Из хороводных песен обратим внимание на «Еще ходит царь [круг нового города]»,⁸⁷ позднее, насколько мне известно, на Анадыре не записывавшуюся. Анализ ее напева обнаруживает знаменательную вариантную параллель. Движения этого игрового хоровода сопряжены с медленным темпом, ритм не предполагает «моторику» и напев изобилует внутрислоговыми распевами. Исполнительница, вынужденная петь одна и вне хороводного шага, не сразу «ухватывает» нужную ритмическую форму во второй части парно-периодической композиции. Видно, как форма песни выкристаллизовывается постепенно, и она оказывается идентичной хрестоматийно известному образцу одной из распространенных свадебных — «Не было ветру», записанному М. А. Балакиревым в Нижегородской губернии:⁸⁸

Композиция напева: $a+a +v+v$

Кол-во счетных муз. единиц: $6+4 + 6+8$

Кол-во слогов: $5+5 + 5+5:$

⁸² Шенталинская 1996. С. 107, № 1.

⁸³ Шенталинская 1983. С. 5, 23, 25, 26, 31; см. также аналогичные обороты: Якубовская 2012. № 10а, 17.

⁸⁴ См., например: Шенталинская 1983. С. 6, 8, 10, 31; Якубовская 2012. № 3, 4, 7.

⁸⁵ Якубовская 2008. № 17; Шенталинская 2015. № 6.

⁸⁶ Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.: Л., 1966. Нотные приложения № 200, 216, 276.

⁸⁷ Якубовская 2012. № 9; Шенталинская 2015. № 11.

⁸⁸ Балакирев М. А. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. № 1.

При сравнении напевов (в примере они сведены к одной тональности) хорошо видно, что и в интонационном отношении марковская хороводная представляет собой версию того же мелодического типа (Пример 2):

Пример 2

5.А, и зо-ло-тым ве-нцом, зо-ло-тым ве-нцом
 Не бы-ло ве-тру, не бы-ло ве-тру,
 и-спро-све-ти-ла, и-спро-све-ти-ла.
 вдруг на-вя-ну-ло, вдруг на-вя-ну-ло.

Несомненно, что работа Е. И. Якубовской войдет в историю музыкальной фольклористики как публикация уникальных образцов и уникальных расшифровок, в частности, пения в сопровождении игры на скрипке: это единичные, а в сибирском русском фольклоре — единственные достоверные свидетельства некогда развитой традиции.

Скрипку в Маркове признавали «своим» инструментом, она стала даже предметом одной из местных загадок.⁸⁹ Есть свидетельство об этом и в краеведческом труде Афанасия Ермиловича Дьячкова — анадырского чуванца, самоучки, ставшего первым учителем в марковской школе: «Кроме скрипки и балалайки, здесь никаких музыкальных инструментов не имеется», — сообщает в конце позапрошлого века А. Е. Дьячков и прибавляет, что гармоники и флейты (которые тоже есть) — «не местные изобретения, а покупаются через чукоч»,⁹⁰ подчеркивая местное бытование-«изобретение» скрипок и балалаек. Действительно на Анадыре, как и на Колыме, делались свои скрипки и балалайки.⁹¹ В ведомости имущества Северной Тихоокеан-

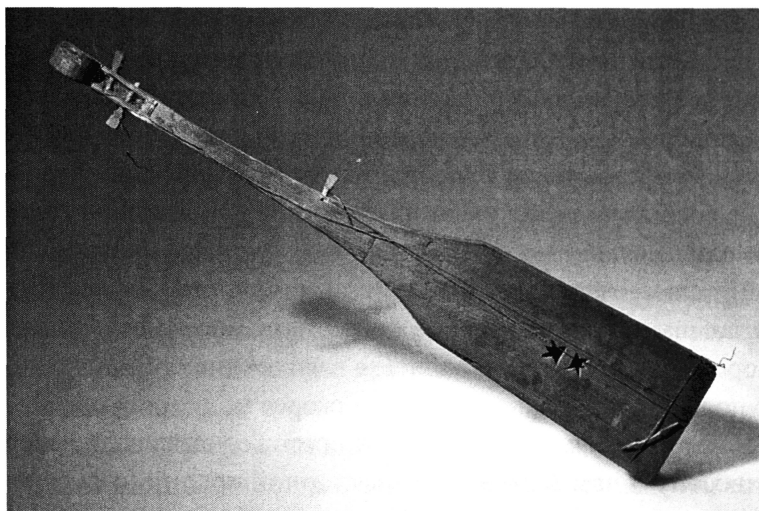
⁸⁹ Якубовская 2008. С. 204.

⁹⁰ Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г[осподина] Дьячкова // Записки Общества Изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II. С. 113.

⁹¹ Описание колымской самодельной скрипки из дневника В. Г. Богораза см.: Шенталинская 1999. С. 33.

ской экспедиции, составленной в апреле 1901 г. в Посту Новомариинском, значатся: 3 балалайки марковские и скрипка.⁹² Несколько музыкальных инструментов, в том числе балалайки (ил. 1) и скрипки (ил. 2) с Анадыря и с Камчатки, хранятся в запасниках АМНН, а одна из анадырских балалаек выставлена на стенде в сибирском зале музея.

Скрипку делали трехструнной, с лукообразным смычком. Особенностью марковской *балалайки* является то, что кроме двух обычных струн есть третья, короткая струна; колок, натягивающий ее, крепится сбоку в нижней части шейки грифа. Корпус и гриф делались из цельного куска дерева.

Ил. 1. Марковская балалайка

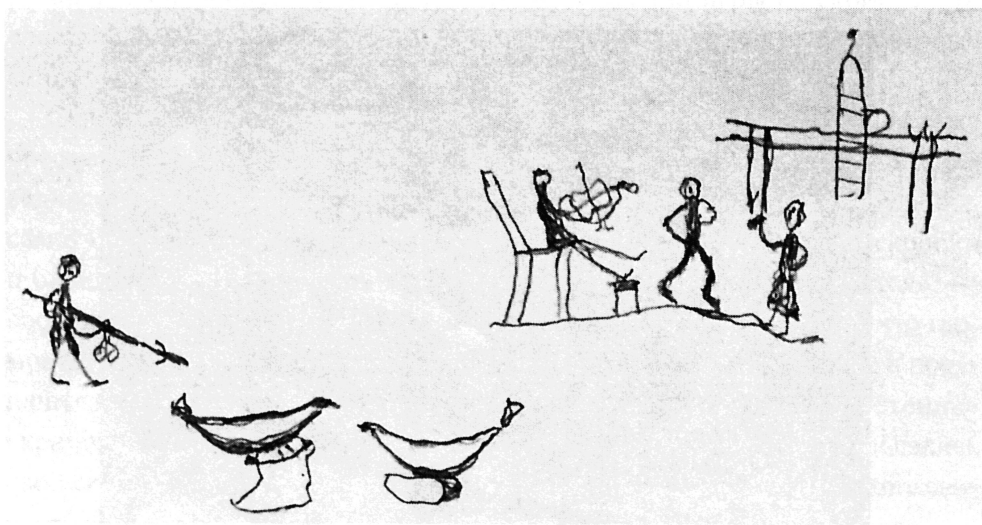

Ил. 2. Анадырская скрипка

⁹² СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 3, № 188, л. 12. Ведомость имущества и коллекций Северо-Тихоокеанской экспедиции.

Но уже в 60-е гг. прошлого века не удалось ни услышать местного скрипача, ни найти образцы местных инструментов, хотя, по воспоминаниям марковцев, пение со скрипкой было любимой формой музицирования. В памяти долго сохранялись имена хороших скрипачей. Еще в 80-е гг. (прошлого века) рассказывали про легендарную марковскую чуванскую пару: «Ион Алин на скрипке играет, жена — Дукара (Евдокия) красивая, как русская, выйдет плясать, как утка плавала, а он перед ней выплясывает прямо со скрипкой».⁹³

Среди рисунков аборигенов, собранных В. Г. Богоразом во время Джебуповской экспедиции, мной был обнаружен наивный карандашный рисунок, изобразивший «вечерочное трио»: музыкант и пляшущая пара (ил. 3). На том же листе запечатлен охотник с гарпуном и морские животные, сидящие на льдинах, а на заднем плане — сооружение из жердей типа вешала и прислоненная к нему нарта, поставленная вертикально. Плясун и плясунья — в характерных позах русской пляски: одна рука — в бок, другая — у женщины помахивает платочком, а у мужчины — или прижата к сердцу, или заведена за спину. Скрипач же упирает инструмент в грудь, под ногами скамеечка, одна нога у него приподнята (может быть, таким образом запечатлено характерное притоптывание во время игры). Марковцы морской охотой не занимались, а в чукотских стойбищах не плясали русскую пляску, предполагаем, что это, скорее всего, рисунок камчатского жителя. В некоторых камчатских селениях тоже устраивали вечерки. Учитывая известную нам близость фольклорной традиции русскоязычных камчадалов и марковцев в конце XIX–начале XX в., можно с очевидностью

Ил. 3. Сценка, пляска

⁹³ Сообщено в 1982 г. участницей хора «Марковские вечерки» Матреной Феофановой Дресвянской, 1916 г. р.

предположить, что поза музыканта была характерна как для камчадалов, так и для марковцев.

Девять песен со скрипкой были записаны на фонограф С. К. Богораз в Марково. Фонозаписи зафиксировали разнообразные и изобретательные, согласующиеся с жанром и мелодической стилистикой напева исполнительские приемы скрипача. Перечислим их, цитируя аналитические наблюдения Е. И. Якубовской: в плясовых песнях скрипач строит «мелодическую линию в духе чисто инструментального варьирования, с использованием созвучий с открытыми струнами, фигурок и пассажей шестнадцатыми, столь характерных для струнно-смычкового исполнительства», в одних случаях — это «непрерывное мелодическое развертывание в инструментальных вариациях», в других — «партия скрипки скромно дублирует мелодию, которую ведут голоса, лишь иногда расцвечивая ее инструментальными приемами». «В распевных мелодиях скрипач берет на себя функцию “второй” основному голосу». В одной из песен «скрипка вместе с женским голосом воспроизводит двухголосную фактуру, обычную для ее хорового исполнения». Одна из фонограмм, зафиксировавшая плясовую «Ты, Паранюшка, спесива» (№ 12) от начала до конца, дает возможность «проследить логику инструментального сопровождения от традиционного инструментального прелюдирования через ряд вариаций к завершению произведения».⁹⁴

Публикация подобных образцов и уже проделанный первичный их анализ могут послужить дополнительным, музыкально достоверным основанием для разрешения задачи выявления (сопоставления) вокального и инструментального в напевах собрания Кирши Данилова, задачи, так убедительно поставленной В. В. Коргузаловым.⁹⁵ Об этом пишет и Е. И. Якубовская, обнаружив «множество отголосков вариаций Кирши» в вариациях «Камаринской» марковских скрипачей.⁹⁶ «А сравнив инструментальную версию (№ 24) с вокальной (№ 25), возможно исследовать и самый принцип “перегудывания” плясовой песни. И это — уже ступенька к пониманию того, как могли звучать мелодии, “зашифрованные” в замечательной рукописи XVIII века...».⁹⁷

Марковские песни (именно они составляют основу коллекции), собранные в первый год прошлого века, обрели свое звучание сегодня, когда в самом Маркове остались единицы коренных марковцев. Мы слышим голоса, передающие нам духовное послание от первых русских землепроходцев, первых русских поселенцев. Теперь надо суметь их *услышать*.

⁹⁴ Все цитаты: Якубовская 2012. С. 338.

⁹⁵ Коргузалов В. В. Новый опыт реконструкции напевов Сборника Кирши Данилова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1994. Т. 53, № 4. С. 41–52.

⁹⁶ Якубовская 2008. № 24. Трудноразборчивая фонографическая запись расшифрована и представлена в публикации как исполнение соло.

⁹⁷ Якубовская 2008. С. 205.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Ил. 1. Марковская балалайка. Хранится в Американском музее естественной истории, Нью-Йорк. Catalog No 70 / 5993.

Accession No: 1902–20. Field No: 132. Donor Bogoras.

Culture: Russianized natives. Country: Russia.

Locale: Siberia, Marcova. Name: Fiddle. Dimensions: L: 83 W: 14.

Material: Wood, sinew.

Courtesy of the Division of Anthropology, American Museum of Natural History.

Ил. 2. Анадырская скрипка. Хранится в Американском музее естественной истории, Нью-Йорк. Catalog No 70 / 7566 AB.

Accession No: 1902–20. Donor Bogoras.

Culture: Chukchee. Country: Russia.

Locale: Siberia, Mouth of Anadyr, Mariinsky Post. Name: Fiddle and Bow.

Dimensions:

A) L: 60 W: 17 B) L: 49 W: 6.

Material: Wood, metal, fiber.

Courtesy of the Division of Anthropology, American Museum of Natural History.

Ил. 3. Чукотские и корякские рисунки, собранные в экспедиции Jesupa // СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, № 126, л. 204.

Источники и литература:

АИВР 23 — Архив Института восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург), ф. 23, оп. 1, ед. хр. 18. *В. И. Иохельсон*. Дневник за 1900 г. (Дело включает также записи 1901 г.).

АИВР 631 — Архив Института восточных рукописей Российской академии наук (С.-Петербург), ф. 631, оп. 1, ед. хр. (№) 128–132. Дневник путешествия Д. Л. Иохельсон.

Анадырский край. Рукопись жителя села Маркова Г[осподина] Дьячкова // Записки Общества Изучения Амурского края. Владивосток, 1893. Т. II.

Архив AMNH — Division of Anthropology. Materials of the Jesup Expedition: Account of the Expedition of the Anadyr party of Jesup NP Ex. 1902–20.

Балакирев М. А. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Под ред. Е. В. Гиппиуса. М., 1957.

Бернштам Т. А., Лапин В. А. Винограде — песня и обряд // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.

Богораз 1901 — Областной словарь колымского русского наречия. Собрал на месте и составил В. Г. Богораз. СПб., 1901. Отдельный оттиск из Сб. Отделения русского языка и словесности Имп. Акад. наук. СПб. Т. 68, № 4.

Богораз 1910 — *Богораз В. Г.* Собр. соч. Т. IV: Скитания. СПб., 1910.

Богораз 1939 — *Богораз В. Г.* Чукчи. Часть II: Религия. Авторизованный перевод с английского. Л., 1939.

Венедиктов 1987 — *Венедиктов Г. Л.* Анадырские и колымские записи былин В. Г. Богораза // *Русский фольклор:...* Л., 1987. Т. 24. С. 148–160.

Государственный Архив Чукотского автономного округа, ф. Д–1, оп. 1, д. 6. Метрическая книга «Анадырской миссии Николаевской церкви» (Причту анадырской миссии) записей о родившихся, сочетавшихся браком и умерших за 1900 г.

Гурвич 1966 — *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М., 1966.

ЖС 1900 — *Владимир Богораз, В. Иохельсон.* О Сибирском Полярном Отделе Северо-тихо-океанской экспедиции // *Живая старина.* 1900. Вып. 1–2. С. 295–296.

Исторические песни XVII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966.

Исторические песни XVIII века / Изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971.

КД — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Киреевский П. В. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929. Вып. II, ч. 2.

Коргузалов В. В. Новый опыт реконструкции напевов Сборника Кирши Данилова // *Известия РАН. Сер. лит. и яз.* М., 1994. Т. 53, № 4. С. 41–52.

Кротов 1925 — *Кротов М. А.* Якутская ссылка 70–80-х годов. М., 1925.

Магид 1936 — *Магид С. Д.* Список собраний Фонограмм-архива Фольклорной секции ИАЭА Академии Наук СССР // *Советский фольклор.* 1936. № 4–5. С. 424.

РЭПС — Русские эпические песни Сибири и Дальнего Востока / Изд. подгот. Ю. И. Смирнов и Т. С. Шенталинская. Новосибирск, 1991.

Савоскул 1982 — *Савоскул С. С.* Русская народная драматическая игра «Лодка» в селе Марково на Чукотке // *Советская этнография.* 1982. № 5. С. 120–122.

Сокольников 1912 — *Сокольников Н. П.* «Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре». Оттиск из «Этнографического обозрения». М., 1912. Кн. XC–XCI.

СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. (№) 116. Дневник В. Г. Богораза в Мариинском Посту.

СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. (№) 117. В. Г. Богораз. Дневник путешествия. На английском языке. 1900–1901.

СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 1, ед. хр. (№) 118а. Фонограф. Тексты к записям в Марково 1901 г.

СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 3, № 188. Ведомость имущества и коллекций Северо-Тихоокеанской экспедиции.

СПбФ АРАН, ф. 250, оп. 4, № 404. Письма В. Г. Богораза.

Шенталинская 1995 — *Шенталинская Т. С.* Андыльщина — местный песенный жанр русских колымчан // *Русский фольклор в инокультурном окружении.* Государственный Республиканский центр русского фольклора: Сб. науч. трудов. М., 1995. Вып. 6. С. 140–151.

Шенталинская 1996 — *Шенталинская Т. С.* Андыльщина (жанр — эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет: Народная музыка, словесность, обряды в записях 1970-х–1990-х годов. СПб., 1996. С. 97–114.

Шенталинская 1999 — *Шенталинская Т. С.* «Не прошло и ста лет...»: Фонографические записи русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией // Живая старина. 1999. № 2. С. 31–34.

Шенталинская 2011 — *Шенталинская Т. С.* Неизвестный автор ранних фонографических записей. Софья Константиновна Богораз // Отечественная этномусикология: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы междунар. науч. конф. 29 сентября–3 октября 2010 г. СПб., 2011. Т. 1. С. 68–83.

Шенталинская 2009 — *Шенталинская Т. С.* Русская «Лодка» на крайнем северо-востоке России // Русская народная песня: Неизвестные страницы музыкальной истории / Российский институт истории искусств. Сектор фольклора. СПб., 2009. Вып. 2. С. 154–174.

Шенталинская 2012 — *Шенталинская Т. С.* Софья Богораз — автор записей русского фольклора на Чукотке // Этнографическое обозрение. 2012. № 1. С. 110–120.

Шенталинская 2015 — *Шенталинская Т. С.* Фонозаписи сибирского фольклора из американских архивов. Приложение: Расшифровка надписей на картонных футлярах из-под фонографических валиков Северо-Тихоокеанской экспедиции // Фольклор. Ранние записи. ИМЛИ РАН. М., 2015. С. 145–271.

Якубовская 2008 — *Якубовская Е. И.* Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В. Г. Богораз и В. И. Иохельсона // Русский фольклор:... СПб., 2008. Т. 33. С. 181–246.

Якубовская 2012 — *Якубовская Е. И.* Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В. Г. Богораз, В. И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.) // Русский фольклор:... СПб., 2012. Т. 36. С. 332–433.

Bogoras 1918 — *Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia by Waldemar Bogoras // Anthropological Papers of The American Museum of Natural History. New York, 1918. Vol. XX. Part 1.*

Katalog der Walzensammlungen. 59. Bogoras/Jochelson (= Jesup Expedition) // Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Ethnologisches Museum Staatliche Museen zu Berlin. S. 110.

Stanley A. Freed, Ruth S. Freed, Laila Williamson. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) // American Anthropologist. 1988. March. N 90 (1).

Аннотация: Статья Т. С. Шенталинской представляет собой развернутую рецензию на публикации Е. И. Якубовской записей Северо-Тихоокеанской экспедиции Джезупа 1900–1902 гг. с ценными дополнениями и уточнениями. В результате архивных разысканий московской исследовательницы ранее опубликованный уникальный материал получает надежную паспортизацию имен авторов записи и исполнителей. В статье приводятся также ранее неизвестные иллюстративно-изобразительные материалы.

Ключевые слова: русский фольклор Чукотки, село Марково на Анадыре, записи на фонограф.

T. S. Shentalinskaya (Moscow). Once again about the recordings of Russian folklore of the American North Pacific expedition: Dialogue with E. I. Yakubovskaya.

The article by T. Shentalinskaya includes a detailed review of to publications of E. Yakubovskaya about records of the Jesup North Pacific Expedition while 1900–1902 years in with valuable additions and clarifications. As a result of archive research of the Moscow scientist, the previously published unique material receives reliable certification (the names of the authors and performers of the recording). The article also provides previously unknown illustrations.

Keywords: Russian folklore of Chukotka region, village of Markovo on the Anadyr, recording on the phonograph.

References:

AIVR 23 — Arhiv Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk (S.-Peterburg), f. 23, op. 1, ed. hr. 18. *V. I. Iohel'son. Dnevnik za 1900 g.* (Delo vključaet takzhe zapisi 1901 g.).

AIVR 631 — Arhiv Instituta vostochnyh rukopisej Rossijskoj akademii nauk (S.-Peterburg), f. 631, op. 1, ed. hr. (N) 128–132. *Dnevnik puteshestvija D. L. Iohel'son.*

Anadyrskij kraj. Rukopis' zhitelja sela Markova G[ospodina] D'jachkova // *Zapiski Obshhestva Izuchenija Amurskogo kraja. Vladivostok, 1893. T. II.*

Arhiv AMNH — Division of Anthropology. Materials of the Jesup Expedition: Account of the Expedition of the Anadyr party of Jesup NP Ex. 1902–20.

Balakirev M. A. Russkie narodnye pesni dlja odnogo golosa s soprovozhdeniem fortepiano / Pod red. E. V. Gippiusa. M., 1957.

Bernshtam T. A., Lapin V. A. Vinograd'e — pesnja i obrjad // Russkij Sever. Problemy etnografii i fol'klora. L., 1981. S. 3–109.

Bogoraz V. G. Chukchi. Chast' II: Religija. Avtorizovannyj perevod s anglijskogo. L., 1939.

Bogoraz V. G. Sobr. soch. T. IV: Skitanija. SPb., 1910.

Bogoraz Vladimir, Iohel'son V. O Sibirskom Poljarnom Otdel Severo-tiho-okeanskoj jekspedicii // Zhivaja starina. 1900. Vyp. 1–2. S. 295–296.

Drevnie rossijskie stihotvorenija, sobrannye Kirsheju Danilovym. 2-e dop. izd. / Podgot. A. P. Evgen'eva i B. N. Putilov. M., 1977.

Gosudarstvennyj Arhiv Chukotskogo avtonomnogo okruga, f. D–1, op. 1, d. 6. *Metricheskaja kniga «Anadyrskoj missii Nikolaevskoj cerkvi» (Prichtu anadyrskoj missii) zapisej o rodivshihsja, sochetavshihsja brakom i umershih za 1900 g.*

Gurvich I. S. Etnicheskaja istorija severo-vostoka Sibiri. M., 1966.

Istoricheskie pesni XVII veka / Izd. podgot. O. B. Alekseeva, B. M. Dobrovol'skij, L. I. Emel'janov, V. V. Korguzalov, A. N. Lozanova, B. N. Putilov, L. S. Sheptaev. M.; L., 1966.

Istoricheskie pesni XVIII veka / Izd. podgot. O. B. Alekseeva, L. I. Emel'janov. L., 1971.

Jakubovskaja E. I. Russkij fol'klor i hristoslavnye pesnopenija na Anadyre i Kolyme v zapisi V. G. Bogoraza, V. I. Iohel'sona i Ja. Strozheckogo (1900–1903 gg.) // Russkij fol'klor: ... SPb., 2012. T. 36. S. 332–433.

Jakubovskaja E. I. Tradicionnyj fol'klor russkogo naselenija Anadyrja i Kolymy v zapisi V. G. Bogoraza i V. I. Iohel'sona // *Russkij fol'klor:...* SPb., 2008. T. 33. S. 181–246.

Katalog der Walzensammlungen. 59. Bogoras/Jochelson (= Jesup Expedition) // *Die Wachsylinder des Berliner Phonogramm-Archivs. Ethnologisches Museum Staatliche Museen zu Berlin.* S. 110.

Kireevskij P. V. Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim. Novaja serija. M., 1929. Vyp. II, ch. 2.

Korguzalov V. V. Novyj opyt rekonstrukcii napevov Sbornika Kirshi Danilova // *Izvestija RAN. Ser. lit. i jaz. M., 1994. T. 53, N 4. S. 41–52.*

Krotov M. A. Jakutskaja ssylka 70–80-h godov. M., 1925.

Magid S. D. Spisok sobranij Fonogramm-arhiva Fol'klornoj sekcii IAEA Akademii Nauk SSSR // *Sovetskij fol'klor. 1936. N 4–5. S. 424.*

Oblastnoj slovar' kolymskogo russkogo narechija. Sobral na meste i sostavil V. G. Bogoraz. SPb., 1901. Otdel'nyj ottisk iz Sb. Otdelenija russkogo jazyka i slovesnosti Imp. Akad. nauk. SPb. T. 68, N 4.

Russkie epicheskie pesni Sibiri i Dal'nego Vostoka / *Izd. podgot. Ju. I. Smirnov i T. S. Shentalinskaja.* Novosibirsk, 1991.

Savoskul S. S. Russkaja narodnaja dramaticheskaja igra «Lodka» v sele Markovo na Chukotke // *Sovetskaja etnografija. 1982. N 5. S. 120–122.*

Shentalinskaja T. S. Andyl'shhina — mestnyj pesennyj zhanr russkih kolymchan // *Russkij fol'klor v inokul'turnom okruzenii. Gosudarstvennyj Respublikanskij centr russkogo fol'klora: Sb. nauch. trudov. M., 1995. Vyp. 6. S. 140–151.*

Shentalinskaja T. S. Andyl'shhina (zhanr — endemik) // *Ekspedicionnye otkrytija poslednih let: Narodnaja muzyka, slovesnost', obrjady v zapisjah 1970-h–1990-h godov. SPb., 1996. S. 97–114.*

Shentalinskaja T. S. Fonozapisi sibirskogo fol'klora iz amerikanskih arhivov. Prilozhenie: Rasshifrovka nadpisej na kartonnyh futljarah iz-pod fonograficheskikh valikov Severo-Tohookeanskoj ekspedicii // *Fol'klor. Rannie zapisi. IMLI RAN. M., 2015. S. 145–271.*

Shentalinskaja T. S. Neizvestnyj avtor rannih fonograficheskikh zapisej. Sof'ja Konstantinovna Bogoraz // *Otechestvennaja etnomuzykologija: istorija nauki, metody issledovanija, perspektivy razvitija: Materialy mezhdunar. nauch. konf. 29 sentjabrja — 3 oktjabrja 2010 g. SPb., 2011. T. 1. S. 68–83.*

Shentalinskaja T. S. «Ne proshlo i sta let...»: Fonograficheskie zapisi russkogo fol'klora amerikanskoj Severo-Tihookeanskoj ekspediciej // *Zhivaja starina. 1999. N 2. S. 31–34.*

Shentalinskaja T. S. Russkaja «Lodka» na krajnem severo-vostoke Rossii // *Russkaja narodnaja pesnja: Neizvestnye stranicy muzykal'noj istorii / Rossijskij institut istorii iskusstv. Sektor fol'klora. SPb., 2009. Vyp. 2. S. 154–174.*

Shentalinskaja T. S. Sof'ja Bogoraz — avtor zapisej russkogo fol'klora na Chukotke // *etnograficheskoe obozrenie. 2012. N 1. S. 110–120.*

Sokol'nikov N. P. «Bolezni i rozhdenie cheloveka v sele Markove na Anadyre». Ottisk iz «etnograficheskogo obozrenija». M., 1912. Kn. XC–XCI.

SPbF ARAN, f. 250, op. 1, ed. hr. (N) 116. Dnevnik V. G. Bogoraza v Mariinskom Postu.

SPbF ARAN, f. 250, op. 1, ed. hr. (N) 117. V. G. Bogoraz. Dnevnik puteshestvija. Na anglijskom jazyke. 1900–1901.

SPbF ARAN, f. 250, op. 1, ed. hr. (N) 118a. Fonograf. Teksty k zapisjam v Markovo 1901 g.

SPbF ARAN, f. 250, op. 3, N 188. Vedomost' imushhestva i kollekcij Severo-Tihookeanskoj ekspedicii.

SPbF ARAN, f. 250, op. 4, N 404. Pis'ma V. G. Bogoraza.

Stanley A. Freed, Ruth S. Freed, Laila Williamson. Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) // *American Anthropologist*. 1988. March. N 90 (1).

Tales of Yukaghir, Lamut and Russianized Natives of Eastern Siberia by Waldemar Bogoras // *Anthropological Papers of The American Museum of Natural History*. New York, 1918. Vol. XX. Part 1.

Venediktov G. L. Anadyrskie i kolymskie zapisi bylin V. G. Bogoraza // *Russkij fol'klor: ... L.*, 1987. T. 24. S. 148–160.